

Н-87

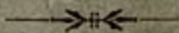
Е. С. Мугардъ.

БЫЛЬ

ИЗЪ

ВРЕМЕНЬ КРѢПОСТНИЧЕСТВА

въ Орловской губерніи.

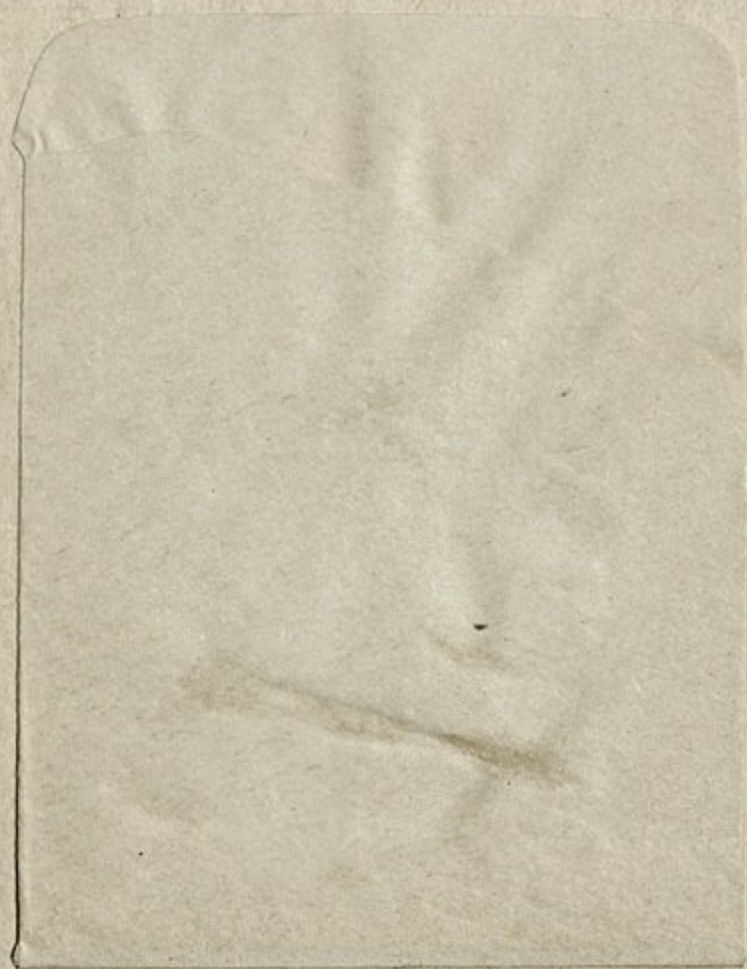

Благословите, братцы, старину сказать,
Съ обычаевъ, повѣрьевъ, предразсудковъ,
Снявъ маску старины,
На правду указать.

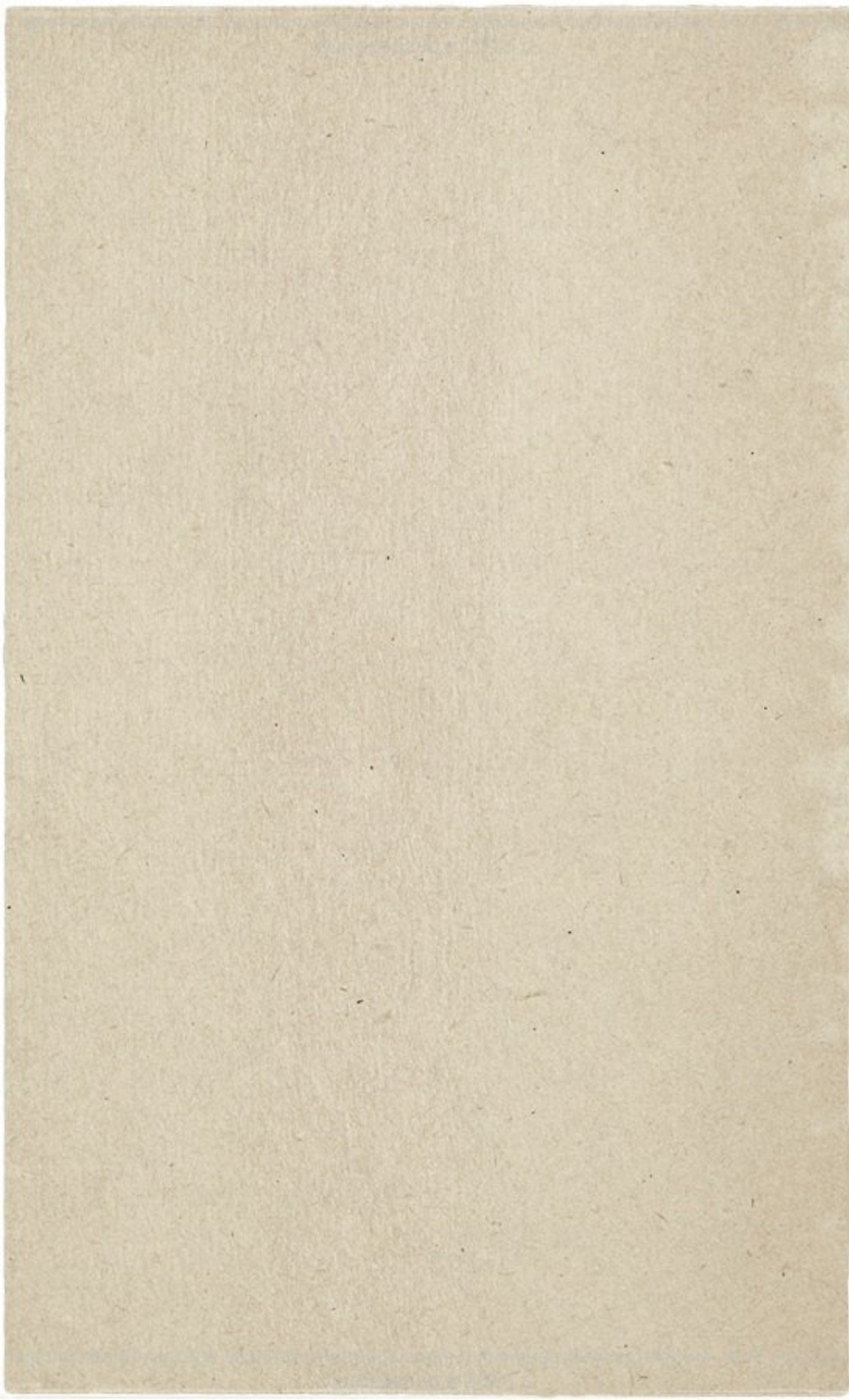
ОРЕДЪ.

Типо-Литографія М. П. Гаврилова.

1901.

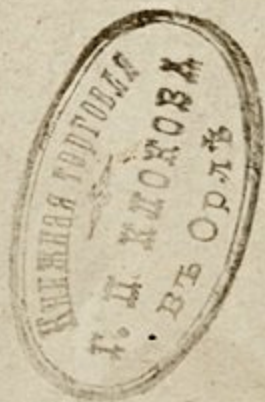
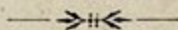
Е. С. Жугардъ.

БЫЛЬ

ИЗЪ

ВРЕМЯ КРѢПОСТНИЧЕСТВА

въ Орловской губерніи.

454319

КРАЕВЕДЕНІЕ
2009

Съясните, братцы, старину сказать.

Съ обычаевъ, повѣрьте, предразсудковъ.

Снявъ маску старини.

На правду указать.

Орловская областная

БИБЛИОТЕКА

им. Н. К. Крупской

ОРЕЛЪ.

Типо-Литографія М. П. Гаврилова.

1901.

Дозволено цензурою. Москва, 11 апрѣля, 1901 годъ

не долго и, сдѣлавъ среди темнаго, какъ-бы вымершаго села, одинъ-два поворота, мы очутились на площади, съ одной стороны которой стоялъ домъ, ярко выдѣляясь въ ночной тьмѣ своими освѣщенными окнами.

«Ужъ не здѣсь-ли все село гадаеть?» подумалъ я и приказалъ ѣхать къ освѣщенной избѣ.

Предположеніе мое, къ счастью, вполнѣ оправдалось и черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ уже въ страшной духотѣ среди гадавшихъ парней и молодухъ, а равно и прочихъ обитателей села, чинно разговаривавшихъ между собою.

Вскорѣ на столѣ, въ укромномъ углу, закипѣлъ самоваръ и появились прочія приправы нашей бренной жизни, и я, расположившись за всѣмъ этимъ, могъ свободно любоваться развлеченіями нашей деревенской молодежи.

Послѣ гаданія, когда все, интересовавшее каждого, было узнано, слѣдовали разные, преимущественно страшные, рассказы о привидѣніяхъ, кладахъ, домовыхъ и прочихъ повѣріяхъ; рассказы эти прерваны были сильнымъ кашлемъ, раздавшимся на печи, и вслѣдъ за тѣмъ оттуда же послышалось кряхтѣніе кого-то слѣзавшаго. И вдругъ среди всѣхъ выросла фигура бѣлаго, какъ лунѣ старика, на видъ лѣтъ 85-ти или даже болѣе.

Пожуривъ разболтавшихъ за то, что они Бога гнѣвять своими разговорами, словоохотливый старикъ послѣ недолгаго молчанія, усѣвшись на скамью, перешелъ къ воспоминаніямъ о барщинѣ, когда онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ парнемъ.

Изъ всѣхъ его рассказовъ особенно одинъ врѣзался мнѣ въ память; его-то я и привожу здѣсь.

— Слыхали-ли вы что-либо о господахъ Юрасовскихъ?—обратился старикъ къ слушателямъ.

— Какъ-же, слыхали!—послышалось съ одной стороны.

— Славные ребята!—раздалось съ другой.

— Ну, должно полагать, что тѣ, которыхъ вы знаете, ужъ внуки того, котораго я зналъ!—отвѣтилъ старикъ,—такъ какъ давно ужъ его самого то и въ живыхъ нѣтъ!

Услышавъ фамилію, столь извѣстную въ Орловской губерніи, я невольно заинтересовался разсказомъ старика и услышалъ слѣдующее.

— Тому назадъ лѣтъ 60, а можетъ и болѣе, наше село, а равно и Сурьянино, Селеменьево-Юрасово, Шемякино, Ильинское, Китаево, да и очень много земли, сплошь до Болхова и за Болховомъ лежащей, принадлежало богачу-барину Алексѣю Денисовичу Юрасовскому.

Много было у него земли, много было у него и крѣпостныхъ, на той землѣ жившихъ, и всѣ эти крѣпостные любили своего барина, хорошо зная, что онъ справедливъ и для хорошаго мужика все сдѣлаетъ, ничего не пожалѣетъ. Многихъ изъ своихъ крестьянъ баринъ распустилъ на оброкъ, не нуждаясь въ ихъ рабочихъ рукахъ, да и оброкъ-то положилъ такъ-себѣ грошевый, болѣе для того, чтобы помнили, что не вольные. Такіе оброчные, разойдясь по городамъ и селамъ, открыли свои лавки и занялись торговлею, отъ которой быстро богатѣли, особенно-же тѣ, что торговали хлѣбомъ и виномъ.

Одинъ изъ крѣпостныхъ, по прозванью Сенька Карнѣевъ, выросши при барскомъ дворѣ въ с-цѣ Селеменьево-Юрасово, состоялъ сначала въ музыкантахъ еще при отцѣ нашего барина, затѣмъ, когда старый баринъ, Денисъ Васильевичъ Юрасовскій умеръ, сынъ его Алексѣй Денисовичъ сдѣлалъ Сеньку бурмистромъ въ с-цѣ Морозовъ и, видя, что у Сеньки въ рукахъ дѣло какъ будто-бы идетъ лучше, бывши имъ доволенъ, перевелъ его въ заглазное имѣніе Селеменьево-Юрасово; этого-то Сенькѣ только и нужно было. Управляя большимъ заглазнымъ имѣніемъ, Сенька быстро набилъ свой карманъ и затѣмъ, упробивъ барина отпустить его на оброкъ, уѣхалъ въ Болховъ,

гдѣ и сталъ заниматься хлѣбною торговлею. Дѣла его шли очень хорошо; помѣщики тогда денегъ не считали, почему и были обсчитываемы немилосердно своими бурмистрами, такими-же, какъ и Сенька, мошенниками. Капиталы Сеньки быстро возростали, онъ купилъ себѣ уже домъ въ Болховѣ, гдѣ и поселился съ своею семьею—женою, сыновьями и красавицею-дочерью. Ничтожный оброкъ его не тяготилъ вовсе и Сенька, разжирѣвъ всѣми правдами и неправдами отъ барскихъ щедротъ, зазнался окончательно и, забывъ свое положеніе, предался роскоши, думая, по видимому, такъ жить и до смерти. Но судьба готовила ему иное.

По разнымъ дѣламъ изъ с. Морозова, гдѣ жилъ А. Д. Юрасовскій, къ Семену Карнѣичу, какъ его тогда въ глаза уже называли, часто прѣзжалъ одинъ учитель. Отличаясь честностью, учитель этотъ былъ барскимъ любимцемъ, и кромѣ главнаго занятія—обученія барчука Константина—этого учителя посылали иногда въ разныя мѣста, куда нужно было отвозить или получать большія суммы денегъ; и всегда всѣ деньги были въ цѣлости.

Познакомившись со всею семьею разбогатѣвшаго Сеньки, безумно полюбивъ его младшую дочь и встрѣтивъ взаимность, учитель, рѣшивъ на ней жениться, просилъ разрѣшенія сначала у А. Д. Юрасовскаго, а затѣмъ у ея отца, Семена Карнѣева. Баринъ, конечно, далъ полное разрѣшеніе, Сенька-же пришелъ въ ярость:

— Какъ! ты, голодранецъ, рѣшаешься опозорить мой домъ своею глупою просьбой? Поди, наживи сначала хоть половину того, что я имѣю, тогда и приходи, а ранѣе не заикайся!

Но просьбы не прекращались. Учитель валялся въ ногахъ у Сеньки и умолялъ его отдать дочь за него, обѣщая иначе «порѣшить съ собою». Но это нисколько не помогло, такъ какъ въ концѣ концовъ Сенька, придя въ ярость отъ нескончаемыхъ просьбъ, выгналъ свое-

ручно барскаго любимца за ворота, обѣщаясь, если просьбы объ этомъ-же не прекратятся, еще и побить его.

Страшно грустнымъ ходилъ учитель съ того дня, часто онъ пропадалъ куда-то, когда же являлся въ Морозово, то приходившій провѣдать своего наставника барчукъ, заставлялъ его въ слезахъ. Это скоро сдѣлалось всемъ извѣстнымъ въ Морозовѣ; объ этомъ тутъ только и говорили, но причину этого долго не могли узнать и лишь наконецъ черезъ прїѣзжавшаго ли въ Морозово купца и знавшаго за что Сенька выгналъ учителя, или отъ кого либо, вывѣдавшаго отъ потерпѣвшаго причину его грусти, но только это дошло, наконецъ, и до барина.

Послѣ этого вся дворня насторожилась, все ждали грозы, зная, что обиду себѣ баринъ никогда не снесетъ и любимца своего выгонять вонъ никому не позволитъ; но гроза, сверхъ ожиданія, разразилась на этотъ разъ безъ грома.

Въ скоромъ времени насталъ праздникъ Рождества Христова (1830 г.) Въ главномъ залѣ громаднаго Морозовскаго дома съ вечера была отслужена всеобщая, а утромъ на самый праздникъ—обѣдня, на которой собралась, кромѣ барской семьи и прїѣхавшихъ господъ, вся многочисленная дворня; послѣдней, по окончаніи обѣдни, баринъ раздавалъ всегда подарки, причемъ не забывалъ никого рѣшительно. Все это знали и задолго ждали этого дня, мечтая о барскихъ подаркахъ.

Какъ всегда бывало, такъ и случилось.

Едва только кончилась служба, въ залъ внесены были столы, заваленные подарками, и давножданная минута настала. Расхворавшійся было за послѣднее время баринъ въ этотъ день чувствовалъ себя гораздо лучше и, сидя въ мягкомъ креслѣ, шутилъ со всеми и указывалъ своему сыну Константину, раздававшему подарки,—кому и что слѣдуетъ давать. На деньги А. Д. Юрасовскій не скупился, почему подарки были хорошіе—каждому по вкусу.

Быстро мѣнялись лица у стола; получивъ подарокъ, каждый, отвѣсивъ низкій поклонъ барину и облобызавъ руку барахтавшягося барчука, радостный исчезалъ, давая мѣсто слѣдующему.

Но вотъ передъ столомъ грустный учитель.

Барчукъ бросился было къ столу, думая найти тамъ подарокъ, но увидя, что его зоветъ отецъ, подошелъ къ нему и, получивъ какую-то бумагу, передалъ ее своему наставнику.

Такъ какъ всѣ получали вещи, то естественно, что присутствовавшіе были очень удивлены, увидя подарокъ, состоявшій лишь только изъ листа бумаги. Больше-же всѣхъ былъ пораженъ самъ учитель, который, развернувъ бумагу, съ недоумѣніемъ началъ читать ее.

Каково-же было его удивленіе, а затѣмъ и радость, когда онъ узналъ, что добрякъ-помѣщикъ передалъ ему дарственную, по которой онъ, бѣдный учитель, являлся владѣтелемъ той, которую безумно полюбилъ и жениться на которой такъ безжалостно помѣшалъ ей-же отецъ. А кромѣ нея помѣщикъ дарилъ учителю и ее отца, мать, сестеръ, братьевъ и вообще всѣхъ чадъ и домочадцевъ разбогатѣвшаго крестьянина, да еще и домъ на лучшей улицѣ г. Болхова.

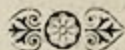
Не меньше этой радости, смѣемъ думать, былъ и ужасъ разбогатѣвшаго крестьянина, узнавшаго, что онъ сдѣлался крѣпостнымъ того самаго «голодранца», котораго лишь нѣсколько дней тому назадъ страшно оскорбилъ, безжалостно выгнавъ изъ своего дома.

*
* *

Разсказъ этотъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ здѣсь приведенъ, и до сихъ еще поръ не забытъ въ Орловской и смежныхъ губерніяхъ. Его можно слышать и на деревенскихъ посидѣлкахъ въ скучные зимніе вечера гдѣ-нибудь въ занесенной почти до верху убогой крестьянской избенкѣ, и въ щегольскомъ, изукрашенномъ рѣзными пѣтухами, мѣщанскомъ домикѣ, гдѣ-нибудь на самомъ краю города...

— Ну и что-же случилось съ учителемъ далѣе?— спрашиваютъ обыкновенно слушатели по окончаніи разсказа. Въ отвѣтъ на это разсказчикъ или объявляетъ о томъ, что конецъ ему совершенно неизвѣстенъ, или воскрешаетъ своихъ героев и надѣляетъ ихъ свѣтлою долею... Народъ не любитъ вообще печальныхъ окончаній; онъ вѣритъ, твердо вѣритъ, что послѣ незаслуженнаго горя всегда приходитъ счастье. Но въ рукахъ нашихъ имѣется судебное дѣло, найденное въ архивѣ, изъ коего мы видимъ, что окончаніе жизни учителя несчастно: онъ былъ зарѣзанъ и ограбленъ однажды въ Сурьянинскомъ лѣсу въ то время, когда везъ большую сумму денегъ, принадлежавшихъ А. Д. Юрасовскому. И странно: изъ всѣхъ актовъ ясно видно, что все это—дѣло рукъ Карнѣева. Не менѣе странно оно и окончилось: нѣкоторые, очевидно, менѣе виновные, заплатились, Семена-же Карнѣева предписано отъ суда и слѣдствія освободить, «оставивъ лишь въ сильномъ подозрѣніи», что же касается до сената, куда это дѣло доходило, то тамъ рѣшеніе было нѣсколько измѣнено: Семена Карнѣева предписано считать не въ «сильномъ», а въ «глубокомъ» подозрѣніи.

Князь А. Л. Голицынъ.

Статью эту, какъ дающую намъ понятіе о личности учителя, загадочная смерть котораго послужила однимъ изъ поводовъ къ безпорядкамъ, столь нашумѣвшимъ въ Орловской губ. во время холерныхъ волненій въ 1831 году, я нашелъ нужнымъ перепечатать, съ разрѣшенія автора, изъ „Орловскаго Вѣстника“ (1895 г. № 119). За доставку статьи и нѣкоторыхъ другихъ свѣдѣній по этому дѣлу приношу кн. А. Л. Голицыну мою искреннюю благодарность.

Е. Нугардъ.

I.

Правосудіе человѣческое отступило передъ Карнѣвымъ; но судъ Божій не судъ человѣческій и кровь учителя сама воздала за себя Божественной правдѣ.

Прошло около года.

Сенька Карнѣвъ разбогатѣлъ пуще прежняго, народъ говорилъ уже о немъ, что у него за обѣими голенищами по капиталу сидѣло; онъ сдѣлался жиренъ, толстъ, какъ бываютъ и всѣ почти люди въ его положеніи, подъ вѣрныя обезпеченія сталъ онъ давать деньги въ займы и брать крайне милостивые проценты: всего лишь копѣечку на копѣечку, за что, какъ говорили, кредиторы и боялись его чуть-ли не болѣе нечистой силы.

Честолюбіе скоро заставило его желать занять какое либо видное, почетное мѣсто, а такъ какъ много, кромѣ церковнаго старосты приходской церкви, не предвидѣлось, то Карнѣвъ сталъ добиваться этого; но тутъ у него явился одинъ сильный соперникъ, котораго желало избрать въ старосты большинство прихожанъ. Карнѣвъ злился и долго не звалъ, что предпринять. Но наконецъ выдумалъ и передъ самыми выборами въ Болховъ былъ привезенъ тысячаудовый колоколь, который Карнѣвъ и пожертвовалъ торжественно на колокольную своей церкви.

Послѣ этого его выбрали почти единогласно.

И Карнѣевъ, вполне довольный самимъ собою, зажилъ припѣваючи. Но кто можетъ знать заранѣе, гдѣ и что найдетъ, и гдѣ что потеряетъ? Будущее находится во власти капризной судьбы, которая смѣется надъ людьми и часто обращаетъ въ ничтожество самыя вѣрныя надежды, и, ужъ разъ судьба начнетъ разыгрывать съ кѣмъ нибудь свои злые фарсы, то она не ограничивается однимъ, а разыгрываетъ ихъ нѣсколько, и одинъ другого хуже. У судьбы своя логика, логика произвола, непостоянства—и озадаченные люди могутъ только прятать стыдъ своего пораженія за пословицу: «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».

Все шло хорошо, какъ вдругъ разразилась гроза и надъ головою Карнѣева.

Въ одну ясную, чудную, но только не для Карнѣева, ночь ему пришлось одному безъ кучера ѣхать изъ Карачева въ Болховъ, проѣхавъ село Руднево и спустившись уже въ Сурьянинскій верхъ, въ тотъ самый, въ которомъ былъ зарѣзанъ учитель, лошадь Карнѣева захрапѣла, затряслась и остановилась какъ вкопанная.

Карнѣевъ взглянулъ впередъ и вдругъ..... сердце его замерло..... видитъ онъ, что къ его экипажу идетъ какой то человѣкъ въ платьѣ нѣмецкаго покроя, весь залитый кровью.

Карнѣевъ взглянулъ на него, да такъ и ахнулъ.

Передъ нимъ стоялъ его покойный зять—зарѣзанный учитель.

Остановивъ Карнѣева, учитель сталъ требовать съ него свидѣтельства по суду Божию, куда и звалъ его съ собою немедленно. При этомъ учитель, кланяясь Карнѣеву, снималъ свою отрубленную голову, какъ шапку.

Страшная дрожь начала пронимать Карнѣева, щелкая зубами отъ внутренняго и вишняго холода, онъ хотѣлъ было оправдываться передъ учителемъ,

хотѣлъ перекреститься, но вмѣсто того безъ чувствъ грохнулся въ экипажъ.

Что произошло съ нимъ далѣе, онъ не знаетъ; опомнился же у себя уже въ домѣ, въ банѣ, гдѣ жена, чуть не совсѣми родичами своими, отливала его холодною водою, желая привести въ чувство. Придя въ себя, Карнѣевъ сѣлъ тутъ же на палатахъ и сильно, сильно задумался . . . . .

О чемъ онъ думалъ? Что шевельнулось въ его мужицкой башкѣ?

Этого сказать я не берусь. Извѣстно лишь, что опомнившись онъ побѣжалъ къ себѣ въ комнату, гдѣ, не молясь и не раздѣваясь, легъ въ свою постель.

На другой день громогласно зазвонилъ тысячапудовый колоколъ къ заутрени, зазвонилъ и къ обѣднѣ: не встаетъ Карнѣевъ со своей постели. Въ безпокойствѣ входитъ къ нему жена и объявляетъ, что къ обѣднѣ звонять. Но Карнѣевъ занесъ такую ахинею, что жена сочла за нужное перекреститься и его перекрестить—не помогло.

Въ страшномъ испугѣ побѣжала она прочь отъ него; послали за лѣкаремъ и попомъ, въ головахъ больного повѣсили нѣсколько иконъ въ массивныхъ окладахъ, за стекломъ средней иконы помѣстили шапочку съ мощей Мценскаго первоучителя великомученика Кукши и посохъ св. Сергія Радонежскаго, «подняли» и кусочекъ древа отъ креста, на коемъ былъ распятъ, по преданію, Спаситель и много, много другихъ средствъ придумывали назойливыя кумушки для Карнѣева, желая «поставить ему голову на мѣсто», какъ онѣ выражались, —ничего не помогло.

Оказалось, что Карнѣевъ въ разсудкѣ тронулся. Недугъ выразился въ томъ, что пользуясь видимымъ здоровьемъ, окруженный всѣми благами жизни, онъ сдѣлался жертвою галлюцинацій, которыя развились въ немъ очень быстро до такой степени, что страдалецъ вынужденъ былъ вести жизнь почти исключительно посреди ужасовъ какого то полупризрачнаго

существованія. Чтобы чѣмъ нибудь облегчить душевную тоску, Карнѣевъ пробовалъ всевозможныя развлеченія, доступныя въ его быту, и въ томъ числѣ пьянство, какъ наиболѣе вѣрное средство самозабвенія; но—о ужасъ! ко всему этому почувствовалъ неодолимое отвращеніе, какъ бы для того, чтобы всегда оставаться одинъ на одинъ со своими призраками. Несчастный преступникъ претерпѣвалъ страшныя истязанія отъ собственной мысли.

Скоро онъ началъ встрѣчать призракъ учителя всюду, гдѣ бы ему не случалось бывать, куда бы не пришлось итти или ѣхать: былъ даже случай въ церкви, когда Карнѣевъ степенно шелъ съ кружкою, онъ вдругъ къ великому своему ужасу увидалъ предстоящаго передъ нимъ залитаго кровью учителя и, къ изумленію присутствовавшихъ, въ непобѣдимомъ ужасѣ отпрянулъ отъ кого-то, бросилъ кружку, разсыпалъ на полъ всю выручку и предался позорному бѣгству.

Съ точки зрѣнія психіатріи, это былъ, конечно, не болѣе какъ интересный фактъ умственного расстройства, обусловленный воспалительнымъ состояніемъ оболочекъ мозга—одинъ изъ видовъ бѣлой горячки; какъ бы то нибыло фактъ этотъ не безынтересенъ и потому, что не сопровождался въ несчастномъ никакими другими болѣзненными явленіями.

А колоколь звонилъ тѣмъ временемъ на десятки верстъ въ окружности. Карнѣевъ же не внималъ этому голосу, не наслаждался своимъ твореньемъ.

Прошло нѣсколько дней, Карнѣевъ немного успокоился, но только сталъ все болѣе и болѣе задумываться.

Дѣла пошли все хуже и хуже.

У сумасшедшаго Карнѣева начали все тащить.

Однажды имъ овладѣла необычайная тоска. Онъ метался, указывалъ въ уголь и кричалъ, чтобы «увели учителя».

«Какого учителя?»

«А вонъ, вонъ въ углу. Онъ меня зарѣзать хочетъ!» и сталъ Кариѣвъ метаться и отбиваться отъ учителя, въ отчаяніи рвалъ себѣ волосы и тутъ, въ бреду, терзаемый призракомъ, онъ высказалъ ужасныя подробности преступленія.

Опомнившись нѣсколько и поуспокоившись, онъ вдругъ куда-то исчезъ.

Не прошло и часа времени, какъ несчастной семьѣ Кариѣва прибѣжали сказать, что ихъ глава виситъ въ сараѣ на возжахъ. И странно — въ этотъ же самый моментъ на колокольнѣ бухнулъ тысячапудовый колоколь.

Всѣ набожно перекрестились и бросились въ сарай, гдѣ и убѣдились въ ужасной истинѣ.

А колоколь тѣмъ временемъ такъ взревѣлся на колокольнѣ, что дрожали стѣны Болховскихъ домовъ и плясали стаканы на столахъ.

Вскорѣ прибыла полиція, власти, перерыли все въ домѣ Кариѣва, отыскивая объясненія странному самоубійству, а еще того болѣе странному бреду, предшествовавшему катастрофѣ.....

Въ сундукахъ и чуланахъ нашли много всякаго добра: нарядовъ, уборовъ, а также золота и серебра, послѣднее оказалось почти все украшеннымъ буквою «Ю» съ дворянскою короною. Нашли сверхъ того много наличныхъ денегъ. Но не нашли разгадки страшной тайны, унесенной покойникомъ въ могилу..... Не открылъ ее никому и сынъ Кариѣва, который, «едва только тятенька скончался», получилъ въ свои руки всѣ отцовскіе капиталы, а затѣмъ, полагать должно съ радости, запилъ — пилъ мертвую чашу — пилъ такъ, какъ не пьютъ даже во флотѣ, допивался до того, что чертямъ становилось тошно — спился окончательно..... и умеръ гдѣ-то подъ заборомъ.

Краденое добро въ прокъ не идетъ! Божья кара! — говорилъ народъ, глядя на то, какъ Кариѣвское состояніе разлеталось прахомъ. Утверждали нѣкоторые, что дальнѣйшему потомству Кариѣва будетъ еще горше и что такъ пойдетъ до седьмого колѣна включительно.

II.

Не стало Сеньки Карнѣва.

Но страшная молва прошла вдругъ среди крестьянъ Болховскаго уѣзда, стали они рассказывать, что будто бы каждую полночь на большой Болховской дорогѣ появлялся призракъ зарѣзаннаго учителя, который останавливалъ проѣзжихъ и прохожихъ и жаловался имъ на Карнѣва, призывая всѣхъ встрѣчныхъ въ свидѣтели на судъ Божій. При этомъ, по словамъ той же молвы, призракъ кланялся и снималъ свою отрубленную голову, какъ шапку. Народъ страшно боялся встрѣчи съ этимъ привидѣніемъ, такъ какъ всякій, кого только звалъ учитель въ свидѣтели— вскорѣ умиралъ. Изъ устъ въ уста, съ неимоверною быстротою передавалась по Болховскому уѣзду вѣсть о смерти священника села Льговъ, который будто бы при слѣдующихъ обстоятельствахъ увидалъ учителя у себя въ кабинетѣ. Подойдя къ дверямъ, онъ вздрогнулъ и остановясь, спросилъ домашнихъ: «видите-ли вы?» Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ сдѣлалъ рукою знакъ подойти. Когда всѣ приблизились, то увидѣли: передъ письменнымъ столомъ въ платьѣ нѣмецкаго покроя стоялъ весь залитый кровью призракъ, который, снявъ голову какъ шапку и поклонившись при этомъ священнику, сталъ жестами звать его къ себѣ и указывать на небо. Тогда священникъ быстро подошелъ къ призраку и, когда послѣдній моментально исчезъ, священникъ мертвый грохнулся на полъ.

Я не стану приводить множества другихъ разсказовъ о появленіи въ Болховскомъ уѣздѣ призрака учителя. Ограничусь лишь слѣдующимъ, надѣлавшимъ большой переполохъ въ губерніи.

Призракъ учителя увидали однажды въ с-цѣ «Сурьянинѣ», хотя и поздно вечеромъ, но за то видѣли чуть ли не все, собравшись въ одинъ изъ праздниковъ въ хороводъ на площади; увѣряли, будто бы призракъ вдругъ появился на дорогѣ, ведущей къ хороводу, подбѣжавъ къ коему, онъ снялъ свою голову, погрозилъ перстомъ, указывая на небо и вслѣдъ затѣмъ моментально исчезъ, какъ бы расплылся въ воздухѣ..... Все бросились въ разсыпную. Началась всеобщая давка.... крики.... страшное смятеніе.....

А нужно сказать, что все это случилось въ то самое время, когда по всей Россіи свирѣпствовала еще мало извѣстная медицинѣ, азіатская гостья тридцать перваго года—холера, противъ которой принимались кое какія мѣры; но онѣ по незнанію свойства не могли быть успѣшны. Народъ въ ужасѣ метался тогда, ища измѣну, громко говорилъ объ отравкахъ, останавливалъ экипажи докторовъ, въ которыхъ, безъ исключенія, подозрѣвалъ жидовъ, *пущавшихъ*, по наущенію иѣмцевъ, страшную болѣзнь на русскихъ. Полиція въ это время ровно ничего не могла подѣлать—она сбилась окончательно съ ногъ. Описанный выше эпизодъ произошелъ вскорѣ послѣ того, когда холерныя волненія простонародья разразились въ Петербургѣ извѣстнымъ «бунтомъ на Сѣнной», гдѣ передъ церковью Спаса прогремѣло тогда знаменитое «на колѣни!» Императора Николая Павловича.*)

Скоро въ «Сурьянинѣ» появилась нежданная гостья—повальная болѣзнь. Невесело стало; загрустилъ народъ. На первыхъ порахъ дали знать въ городъ.

*) Признаки холеры появились въ Орловской губерніи въ концѣ іюля 1831 года, при губернаторѣ А. В. Кочубѣ, и первый случай заболѣванія былъ констатированъ въ Сурьянинѣ, Болховскаго уѣзда, на крѣпостномъ челобѣкѣ Саутинѣ.

Приѣхалъ докторъ, разспросилъ что и какъ, вскрылъ умершихъ, велѣлъ могилы ихъ залить известью, далъ кое какое лѣкарство. А заболѣвшіе тѣмъ временемъ не пьютъ, не ѣдятъ, мучатся нѣсколько дней и умираютъ. Посовѣтывалъ докторъ разъединить больныхъ отъ здоровыхъ и уѣхалъ, промолвивъ, что «надо подождать, что дальше будетъ». А дальше еще и еще случаи заболѣваній и смерти. Приѣхалъ вторично докторъ, да еще съ товарищемъ. Народъ пристааетъ: «Ну, коли у васъ нѣтъ средствъ отъ лихой болести, то хоть скажите, какъ она называется».

Еще вскрыли умершихъ и сказали, что «внутри скипается». А народъ не отходитъ отъ доктора—«что это, да какъ называется болѣзнь?» въ отвѣтъ на этотъ вопросъ докторъ очки только поправилъ, да плечами вздернулъ— дескать это темное дѣло. Эта безотвѣтность, эта неопредѣленность жгучаго дѣла даже обидѣла міръ православный. «Помилуйте, ваше благородіе, вы вѣдь народъ ученый, у васъ и книги въ рукахъ, потому, какъ вы есть доктора—а доктора всегда народъ образованный», говорили крестьяне,—«такой ужъ имъ и предѣлъ отъ Бога положенъ, чтобы значить образованіе превзошли, чтобы во всей книжной премудрости, какъ говорится, собаку съѣли; извѣстно, всякому свое: намъ земля, а вамъ образованіе. Ужли нельзя помочь нашей бѣдѣ?»

«И рады бы помочь, да наука-то наша тоже не знаетъ всего на свѣтѣ; положительное сказать мудрено, а сказать на авось—еще мудренѣе.»

«Ну чтожь намъ теперь дѣлать?»

«Беречь здоровыхъ!» и многозначительно постукавъ пальцемъ по лбу, да указавъ перстомъ въ небо, докторъ добавилъ: «Не надо отчаиваться! Никто какъ Богъ! Прощайте братцы! Прощайте голубчики! Надѣйтесь и молитесь—все зависитъ отъ Бога!» И докторъ укатилъ, обѣщавъ заѣхать «послѣ».

Опять темна вода во облацѣхъ воздушныхъ.....

Но деревня сообразила. Нѣтъ пользы отъ науки, народъ обратился къ своимъ средствамъ. Сначала взялась за дѣло болѣе горячая половина рода человѣческаго—бабы. Нашли онѣ старую старуху, которая надѣвъ на себя хомуть съ потной лошади, сѣла верхомъ на помяло и принялась выгонять болѣзнь тѣмъ способомъ, который съ времянь доисторическихъ и до сихъ еще поръ практикуется въ нѣкоторыхъ глухихъ мѣстахъ Орловской губерніи.

Запрягла эта старуха въ соху пять голыхъ дѣвокъ, въ сопровожденіи бабъ съ распущенными волосами, съ заслонками и косами, съ плачемъ, воемъ, крикомъ и руганью—опахала село.

Но все таки средство это долго не помогало, народу каждый день умирало порядочно. Послѣ этого всѣ рѣшили, что теперь Богъ знаетъ что на свѣтѣ дѣлается, ничего не разберешь; видно и до конца міра не далеко.

Нахмурились и мужики. Какъ народъ положительный и болѣе дѣловой, они не брюзжатъ такъ, какъ бабы, но за то недовольно посматриваютъ въ сторону города и ворчатъ на науку, бесполезную въ ихъ дѣлѣ. Но вотъ и мужиковъ затронуло «искушеніе», сойдясь на совѣтъ, они также рѣшились на что-то.

Добродушный народъ этотъ былъ способенъ на самыя ужасныя, звѣрскія преступленія, къ которымъ побуждали его суевѣрія и глубоко почитаемые имъ колдуны и колдуньи.

Не мало страшныхъ, отвратительныхъ фактовъ хранить въ себѣ хроника былыхъ временъ, не мало и событій подъ видомъ легендъ передаются изъ устъ въ уста то тутъ, то тамъ по Орловской губерніи. *)

*) Есть остроумное замѣчаніе, что Петръ Великій, прорубивъ окно въ Европу, позабылъ закрыть дверь въ Азію, почему неминуемо по всей Россіи образовался страшнѣйшій сквознякъ, при чемъ Орловская губернія, занимающая въ Россіи центральное положеніе, оказалась какъ разъ на этомъ сквознякѣ.

Прошло нѣсколько времени, а повальная болѣзнь все не унимается. «Отродясь», говорили потомъ мужики, «ничего такого не запомнимъ; народъ такъ и валился». Паника наступила всеобщая. Кругомъ морь былъ страшный. Всѣ жили точно въ военное время подь пулями; всякій въ каждую данную минуту могъ ждать для себя послѣдняго часа. «Сурьянино» стало неузнаваемо, такое царствовало уныніе, такой ужасъ на всѣхъ лицахъ.

Мужики все сходятся, что-то говорятъ, спорятъ и, разойдѣсь со сходки, помалкиваютъ.....

612557

Орловская областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. К. Крупской

III.

Однажды, въ одну изъ тѣхъ ночей, которыя у насъ на Руси извѣстны подъ именемъ воробьиныхъ, пять человѣкъ съ заступами, съ чернымъ пѣтухомъ и какимъ-то дреколѣемъ прокрались около громаднаго барскаго дома въ Сурьянинѣ и никѣмъ незамѣченные нырнули подъ домъ въ окно, продѣланное въ каменномъ фундаментѣ.

Кто это? Куда, зачѣмъ идутъ они?

На дворѣ темная ночь—хоть глазъ выколи.

Прошло нѣсколько времени. За горою, на колокольнѣ Рудневской церкви пробило 12. Полночь. Какъ говорятъ крестьяне, въ это время домовою играетъ, заплетая и расплетая гривы лошадямъ. Ихъ топотъ да хрустѣніе сѣна на зубахъ только и прерываютъ могильную тишину ночи....

Вотъ гдѣ-то на птичьемъ дворѣ запѣлъ въ послѣдній разъ для канувшей въ вѣчность ночи и въ первый для наступающаго дня безсонный пѣтухъ, за нимъ другой, третій—и пошла пѣтушья переключка.

Вдругъ изъ барскаго дома полились звуки клавикордовъ. Тѣни спрятавшихся вздрогнули: имъ показалось, что это были чьи-то рыданія.

Пора! пора! шепнулъ одинъ изъ спрятавшихся.

Выскочивъ изъ подъ дома, люди эти двинулись далѣе по саду, стараясь какъ можно менѣе шумѣть.

Въ воздухѣ та же темная ночь. Пугливое воображеніе населило эту темноту фантастическими, полными

таинственности образами. Даже шумъ осинъ приводилъ двигавшихся въ трепеть.

Вотъ тѣни миновали три громаднѣхъ Сурьянинскихъ пруда. Перешагнувъ черезъ нѣсколько повалившихся отъ бури липъ, тѣни спустились на дно оврага и ползкомъ направились вдоль него.

Воздухъ былъ свѣжъ, но въ немъ висѣла какая-то дымка отъ испарѣній земли и тумана, стлавшагося по оврагу, и сквозь нее слабо пробивался свѣтъ луны, придавая деревьямъ сада какія-то фантастическія очертанія. Кругомъ была невозмутимая тишина, ни одинъ листъ на деревьяхъ не колыхался и только гдѣ-то вдали, за прудами кричалъ, видимо одержимый бессонницей, перенелъ.

Таинственность ночи, неумолкавшія рыданія клави-кордовъ, доносимыя до кравшихся и сознаніе, что они дѣлаютъ что-то особенное насторожило ихъ во-ображеніе: имъ показалось, что какая-то, какъ бы тѣнь мелькнула вдали. Нѣкоторые изъ нихъ побросали заступы и хотѣли бѣжать. Замѣтивъ начинавшуюся панику, задній изъ кравшихся, очевидно коноводъ предпріятія, укоризненно крикнулъ.

«Дураки! Куста испугались!».

Тѣни подняли лопатки и поползли далѣе.

Пройдя два отвершка, оставшіеся вправо, двигавшіеся вздрогнули и остановились неволью, замѣтивъ впереди одинокій надмогильный крестъ. Однако-жъ скоро ободрились... все было тихо и мирно кругомъ. Здѣсь и была конечная цѣль ихъ предпріятія.

«Ну зачурайся! черти лопатой кругъ на могилѣ!»

Одинъ изъ крестьянъ, произнося невнятные звуки, началъ обводить кругъ около могилы, затѣмъ, задушивъ пѣтуха, чтобы онъ не крикнулъ, отрѣзалъ ему голову и полилъ кровью въ третій разъ очерченный кругъ.

«Какъ на морѣ акіянѣ, какъ на островѣ Буянѣ стоитъ столъ престолъ; на столѣ то семь, на престолѣ томъ не кровать стоитъ не двуспальная»...

шепталъ кто-то.

«Чуръ меня! Чуръ меня! За три черты чертъ не ходи! Шагодамъ ягодамъ, кулла кулла!» Шептали четверо остальныхъ, обернувшись въ разныя стороны.

«Ну копай! вскрикнулъ коноводъ, когда заклинаніе было кончено.

Желѣзныя лопаты врѣзались въ землю и сырой комъ земли глухо откатился и бухнулъ обо что-то.

При этомъ звукѣ все вздрогнули и еще усерднѣе приналегли на лопаты. Суевѣрный страхъ помимо ихъ воли все болѣе и болѣе закрадывался въ ихъ души, въ вискахъ у нихъ стучало точно молотомъ.

Осторожная, безшумная работа шла среди глубокой ночи, удивительно было какъ эти люди копали не промолвясъ словомъ между собою, точно какъ бы все они были нѣмые.

Наконецъ заступы ихъ ударились о крышку гроба, при видѣ котораго на гробокопателей повѣяло страшнымъ холодомъ нервнаго трепета.

Вотъ заскрипѣли деревянныя заклепки гробовой крышки и она отскочила подъ напоромъ дюжихъ рукъ.

Передъ глазами гробокопателей, вверхъ почернѣвшимъ, неподвижнымъ лицомъ лежалъ трупъ учителя. Полно муки было его выраженіе и ужасенъ былъ потухшій взоръ. У всехъ гробокопателей крупными каплями выступилъ потъ на лбу. Лица ихъ были блѣдны, какъ полотно.

«Какъ на морѣ акіянѣ, какъ на островѣ Буянѣ»...

шепталъ кто-то.

Ну, подымай его! Сперва надо надругательство надъ нимъ учинить, а потомъ и коломъ!

Одинъ изъ гробокопателей взялъ покойника за шею и сильнымъ движеніемъ приподнялъ и посадилъ его въ гробу, другой, сляясь подавить въ себѣ суевѣрный страхъ, почувствовавъ, что настала рѣшительная минута, закусивъ губы и задержавъ дыханіе, сильно развернувшись, съ ругательствомъ ударилъ покойнаго

въ грудь кулакомъ. Трупъ выскочилъ изъ рукъ державшаго и ударился о край гроба.

«Ну, переворачивай! Живѣй! Давай коль сюда»... раздалась команда.

Нѣсколько трясущихся рукъ ухватили снова тѣло, приподняли его въ гробу, перевернули лицомъ внизъ и порывисто опустили на дно гроба, затѣмъ ухватились за коль . . . . .

Вдругъ въ воздухѣ, почти надъ самою могилою прозвенѣлъ крикъ какой-то ночной птицы; нервы гробоконателей, достигнувши наибольшаго напряженія, не выдержали болѣе и люди эти, воспитанные въ принципѣ произвола, совершивъ ужасное кощунство, испугались самой малѣйшей, неожиданной причины и, побросавъ заступы, бѣжали, не слыша ногъ подъ собою, безъ оглядки, не смѣя обернуться и взглянуть на разрытую могилу; имъ почудилось, будто мертвецъ вскочилъ изъ гроба и бѣжалъ вслѣдъ за ними.

И снова все стало тихо.... Лишь только сова съ жалобнымъ пискомъ кружится надъ страшною могилой. Луна же выплыла изъ облаковъ и освѣтила своимъ кроткимъ сіяніемъ эту картину.

Былъ второй часъ ночи.

Около четырехъ конюха изъ экономіи выгнали въ лугъ табунъ лошадей и увидали разрытую могилу.

Вѣсть объ этомъ моментально облетѣла близлежащія деревни, всѣ бѣжали поглядѣть на страшную картину.

Экономическій бурмистръ тотчасъ же поѣхалъ къ земскому засѣдателю, чтобы дать знать о случившемся.

Вскорѣ на разрытую могилу налетѣла полиція. Къ вечеру прискакалъ въ Сурьянино изъ Болхова на своей традиціонной парочкѣ съ отлетомъ, съ двумя колокольчиками, съ картузомъ, заломленнымъ на бокъ, становой приставъ, отъ головы до пяты пропахшій, по заявленію современниковъ, чертъ его знаетъ почему, смѣсью водки съ ладономъ. Приставъ этотъ былъ по-

добень всѣмъ его собратьямъ по службѣ, онъ смотрѣлъ волкомъ и ждалъ гдѣ бы сорвать подачку; также какъ и всѣ его собратья по оружію, онъ всегда былъ готовъ съ удивительною отвагою назвать черное бѣлымъ, а бѣлое зеленымъ.

Осмотрѣвъ разрытую могилу, становой нашелъ около нея брошенными заступы, каковыя оказались принадлежащими Сурьянинской экономіи, тутъ же валялся обезглавленный англійскій бойцовый пѣтухъ и клокъ бумаги съ заклинаніемъ. Возопивъ страшнымъ по своей пронзительности голосомъ, становой немедленно полетѣлъ въ экономію, гдѣ, приказавъ собрать всѣхъ служащихъ, произнесъ имъ рѣчь, съ подобающимъ обиліемъ непечатныхъ выраженій и сильныхъ словъ. Дворня рѣчь выслушала, какъ оно и слѣдовало, въ почтительномъ молчаніи, но на требованіе становаго выдать виновныхъ, отвѣчала совершеннымъ незнаніемъ таковыхъ.

Владѣлецъ с-ца «Сурьянино» Петръ Денисовичъ Юрасовскій, находя, что воздухъ въ Россіи удушливъ, ничего не зная, не вѣдая, наслаждался въ это время вольнымъ воздухомъ Парижскихъ бульваровъ; пользуясь этимъ, пылкій администраторъ приступилъ, какъ выражались въ старину, къ допросу «съ пристрастіемъ».

«Подать сюда Никитку наѣздника!»

Подали Никитку наѣздника.

«Ближе подойди, курицынъ сынъ! Совсѣмъ подойди!»
Возопило начальство.

И ближе подошелъ, и совсѣмъ подошелъ.

«Ты разрылъ могилу.....?»

«Никакъ нѣтъ! Ваше Выс.».....

Бацъ, бацъ.

«Одинъ разрывалъ.....?»

«Никакъ нѣтъ, Ваше Выс.».....

Бацъ, бацъ.

«Зачѣмъ разрывалъ? А...

Бацъ, бацъ, бацъ.

Съ лица Никитки текла кровь, глаза его глядѣли тоскливо, но онъ держалъ все руки по швамъ и сохранялъ равновѣсіе.

Увидя, что отъ Никитки ничего не добьешься, становой бросилъ его и приказалъ подать «Мишку конюха».

Подали и Мишку.

Совершенно таже сцена, что произошла съ Никиткой повторилась снова, а затѣмъ произведена была и еще разъ пятнадцать, допросить же всѣхъ «съ пристрастіемъ» одному человѣку оказалось совершенно невозможно, такъ какъ приглашенный къ этому дѣлу экономическій бурмистръ, отказался на отрѣзъ участвовать въ допросѣ.

Истративъ по напрасну всю энергію, съ руками и въ кителѣ, почти сплошь залитыми кровью, становой сѣлъ наконецъ въ экипажъ, обѣщавъ пріѣхать снова вскорѣ.

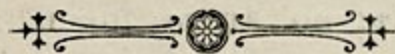
Не возмись становой за допросъ такъ горячо, будь онъ хоть чуть чуть по наблюдательнѣе, а главное не вышей онъ предварительно такъ много водки, отъ него не ускользнуло бы, во первыхъ, то обстоятельство, что человѣкъ около десяти не было приведено на допросъ вовсе, а во вторыхъ, то, что въ заднемъ ряду трясся какъ въ лихорадкѣ одинъ человѣкъ, съ лицомъ блѣднымъ какъ полотно. Взгляни на него становой, человѣкъ этотъ не выдержалъ бы—упалъ на колѣни и повѣдалъ бы все; но этого по вышеобъясненнымъ причинамъ не произошло.

Въ это самое время изъ-заграницы пріѣхалъ въ Сурьянино прославившійся необыкновенною разсѣянностью и чудачествами, П. Д. Юрасовскій, который, по докладѣ ему обстоятельствъ дѣла, столь нашумѣвшаго въ Орловской губерніи, отнесся къ нему какъ-то странно. Во первыхъ, онъ совершенно равнодушно выслушалъ рассказъ о разрытіи могилы, а во вторыхъ, пришелъ въ страшный гнѣвъ, когда узналъ, что

на допросѣ становымъ былъ избить его любимый наѣздникъ Никитка.

Поскакавъ немедленно къ губернатору Кочубею, куда тотчасъ же вызванъ былъ для дачи объясненій и становой, Юрасовскій, пуская ему въ носъ изъ своей трубки дымъ, спрашивалъ его о подробностяхъ допроса «съ пристрастіемъ». Становой защищался какъ могъ, но противъ истины ничего не подѣлаешь. Въ пылу допроса, Юрасовскій, какъ будто невзначай, взялъ становаго за руку и потомъ указательнымъ его пальцемъ сталъ поправлять пепель у себя въ трубкѣ. Становой закричалъ благимъ матомъ отъ боли и, выдернувъ руку, принялся дуть на свой указательный палецъ. Юрасовскій, разумѣется, разсыпался въ извиненіяхъ, сваливъ всю вину на свою ужасную разсѣянность.

Развязка этой траги-комедіи, происшедшей въ присутствіи Орловскаго губернатора была довольно смѣшная: становой самъ же написалъ на слѣдующій день къ П. Д. Юрасовскому извинительное письмо, въ которомъ просилъ прощенье особенно за то, что осмѣлился въ бумагахъ, посылаемыхъ въ «Сурьянино» и въ «чужіе края», «величать» Петра Денисовича Деспотомъ Юрасовскимъ, полагая, что такъ и быть должно. *)

*) На сей разъ становой былъ совершенно правъ. Въ старыхъ бумагахъ XVII и XVIII в.в. лица этой фамиліи именуются Деспотами Юрасовскими; на какомъ же основаніи потомки ихъ какъ бы избѣгаютъ именоваться Деспотами—намъ не извѣстно.

IV.

Долго Сурьянинская дворня запиралась, не смотря на прямыя противъ нея улики.

Долго искали разрывшихъ могилу и совершившихъ кощунство надъ трупомъ. Миръ и Сурьянинскій бурмистръ всячески выгораживали ихъ и затемняли дѣло.

Наконецъ Никитка Хроминъ не выдержалъ: его давно уже мучили угрызенія совѣсти, часто ему казалось, что къ нему кто-то приходитъ и шепчетъ: «Скажи! скажи!» Затѣмъ ему чудился страшный крикъ, визгъ, скрежетъ зубовой и хохотъ, среди котораго слышалось тихое пѣніе: «со святыми упокой». Онъ бросился къ исправнику, сознался во всемъ, выдалъ всѣхъ соучастниковъ, запросилъ суда правильнаго и получилъ его.

Всѣхъ оговоренныхъ судили и сослали въ Сибирь, откуда дошли вѣсти только о Никиткѣ Хроминѣ и Мишкѣ Саутинѣ.

Что сталося съ остальными я не знаю.

Отъ Мишки Саутина родные получали письма. Онъ, судя по письмамъ его, вполне доволенъ своей судьбой и даже оказался способнымъ на такую курьезную ложь:

«Какъ пріѣхали мы въ Омскъ, — городъ такой есть, — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, — всѣ намъ сказали: «молодцы, ребята, что учителя осиновымъ коломъ проткнули, а то онъ разгулялся бы по бѣлу свѣту и,

чего добраго, пожаловалъ бы въ наши распречудесныя палестины Забайкальскія».

Вскорѣ по приѣздѣ въ Сибирь онъ получилъ мѣсто кучера у тюремнаго смотрителя и зажилъ припѣваючи.

«Не у насъ Сибирь-то, а у васъ въ Расеи», писалъ онъ и звалъ переселиться родныхъ.

Не такъ хорошо устроился Никитка. Изъ него вышелъ одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ скитальцевъ — бродягъ, которые съ неимовѣрными ухищреніями каждую весну бѣгутъ изъ острога на любимую ими родину. Бѣгутъ они чуть ли не десятками, но рѣдкій изъ нихъ приходитъ домой.

Пройдетъ Никитка 1000 верстъ, а глядишь зима.

Куда дѣваться въ рваной одеженкѣ голодному да холодному. Идетъ онъ въ острогъ, называетъ себя «непомнящимъ» и сидитъ зиму, пока не запахнетъ весною. Опять онъ тогда затревожится, забьется какъ птичка въ клѣткѣ..... Глядишь и идетъ уже Никитка съ котомкой по тропинкѣ около тракта и Христовымъ именемъ побирается.

Долго мучился несчастный.

Но Богъ не безъ милости. Сжалился онъ и надъ Никиткою. Однажды, когда въ окна острожнаго дома, расположеннаго по сибирскому тракту, пахнуло весною, всѣ арестанты получили вдругъ неожиданное приказаніе выстроиться и слушать то, что будутъ читать. Затихли горячія арестантскія головы и съ радостью выслушали царскій манифестъ, въ силу коего большинству арестантовъ дана была свобода. Въ числѣ такихъ счастливыхъ оказался Никитка. Ему тотчасъ же вручили видъ, накормили въ послѣдній разъ и отворили настежъ двери—идите молъ голубчики на всѣ четыре стороны, да смотрите, чтобы впередъ не попадались!

Путешествовать съ видомъ оказалось много легче и Никитка вскорѣ прибылъ на родину.

Но не радостную встрѣчу готовила ему судьба.

Изба его сгорѣла до тла уже нѣсколько лѣтъ, близкіе родные въ его отсутствіе умерли, а дальніе разбрелись кто куда.

Зарыдалъ какъ ребенокъ несчастный и пошелъ прочь отъ роднаго пепелища.

Вскорѣ онъ постригся въ монахи и извѣстенъ былъ какъ великій постникъ и молитвенникъ въ одномъ изъ монастырей Орловской губерніи, гдѣ съ его словъ и записано многое въ этой правдивой исторіи.

Но не ужился онъ и въ монастырѣ, ему болѣе нравилась жизнь въ миру, почему онъ, надѣвъ на себя вериги, принялся юродствовать.

Его, въ большинствѣ случаевъ безсмысленныя, слова принимались обыкновенно за какое то предсказаніе и онъ скоро вошелъ у простонародья и Орловскихъ изувѣровъ въ большое почитаніе. Умеръ онъ скоропостижно тому назадъ лѣтъ 20, вблизи того мѣста, на которомъ около 50 лѣтъ передъ тѣмъ совершилъ ужасное преступленіе. Съ его трупа полиція сняла вериги, нынѣ хранящіяся въ музеѣ Орловской архивной комиссіи.

*
*
*

Прошли года. Волею судебъ всѣ дѣйствующія лица этого разсказа отправились уже въ такъ называемый «лучшій міръ». Минуло крѣпостное право. Семья Карнѣева приписалась къ купцамъ и разбрѣлась по Россіи.

Безвозвратно прошло то время, когда лишь по мановенію руки какого либо властелина—помѣщика мыслимы были подобные браки.

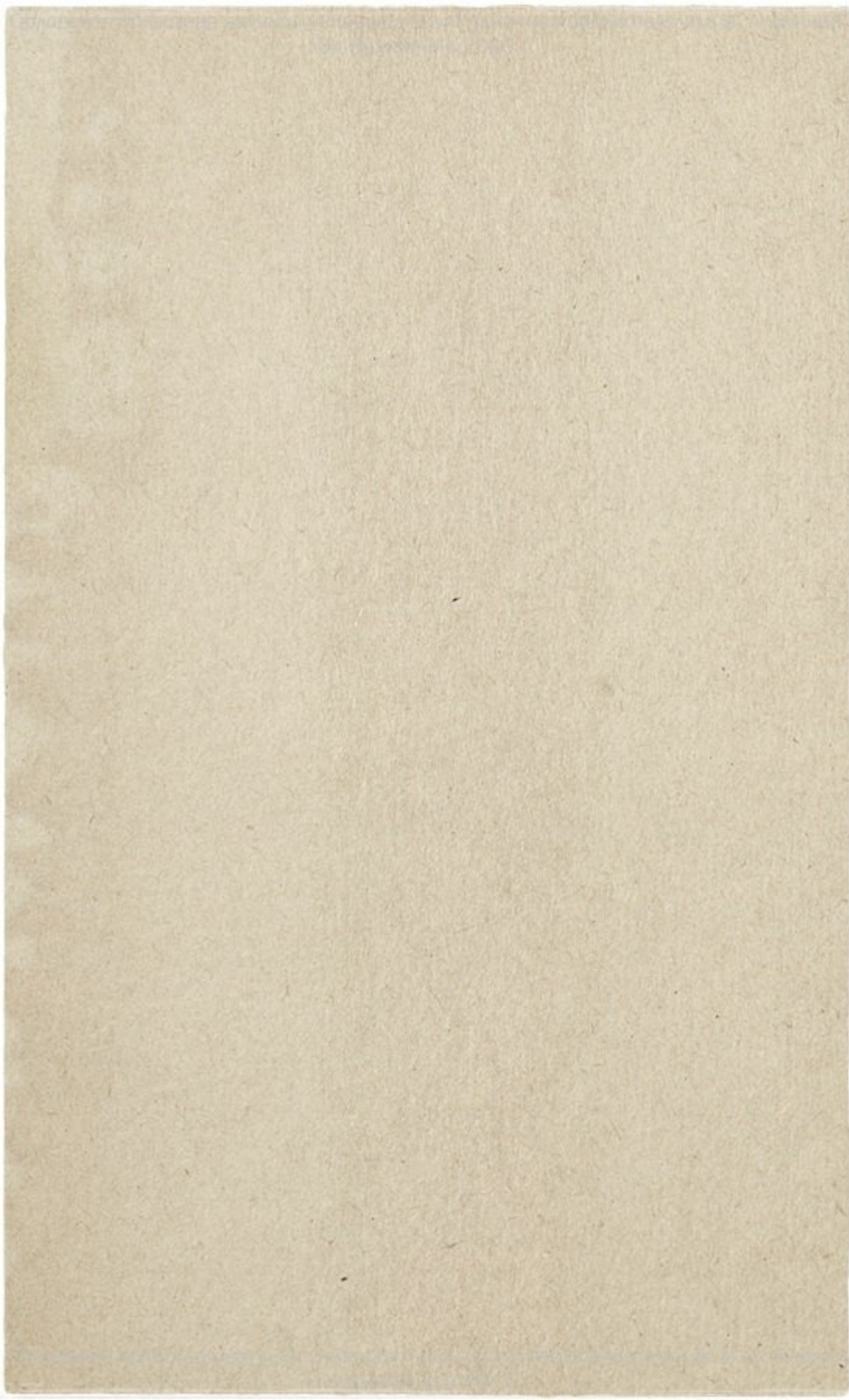
Добродушный Болховской народъ мало по малу началъ пробуждаться отъ своей вѣковой спячки, всякія преданія и легенды все болѣе и болѣе стали терять свою прежнюю силу и значеніе. Многіе изъ крестьянъ, особенно побывавшіе въ городахъ, уже скептически относятся къ большинству суевѣрій и смѣются надъ тѣми, кто вѣритъ въ нихъ. Вѣра въ домовыхъ, лѣшихъ, привидѣнія, русалокъ, въ боярыню, клянущую

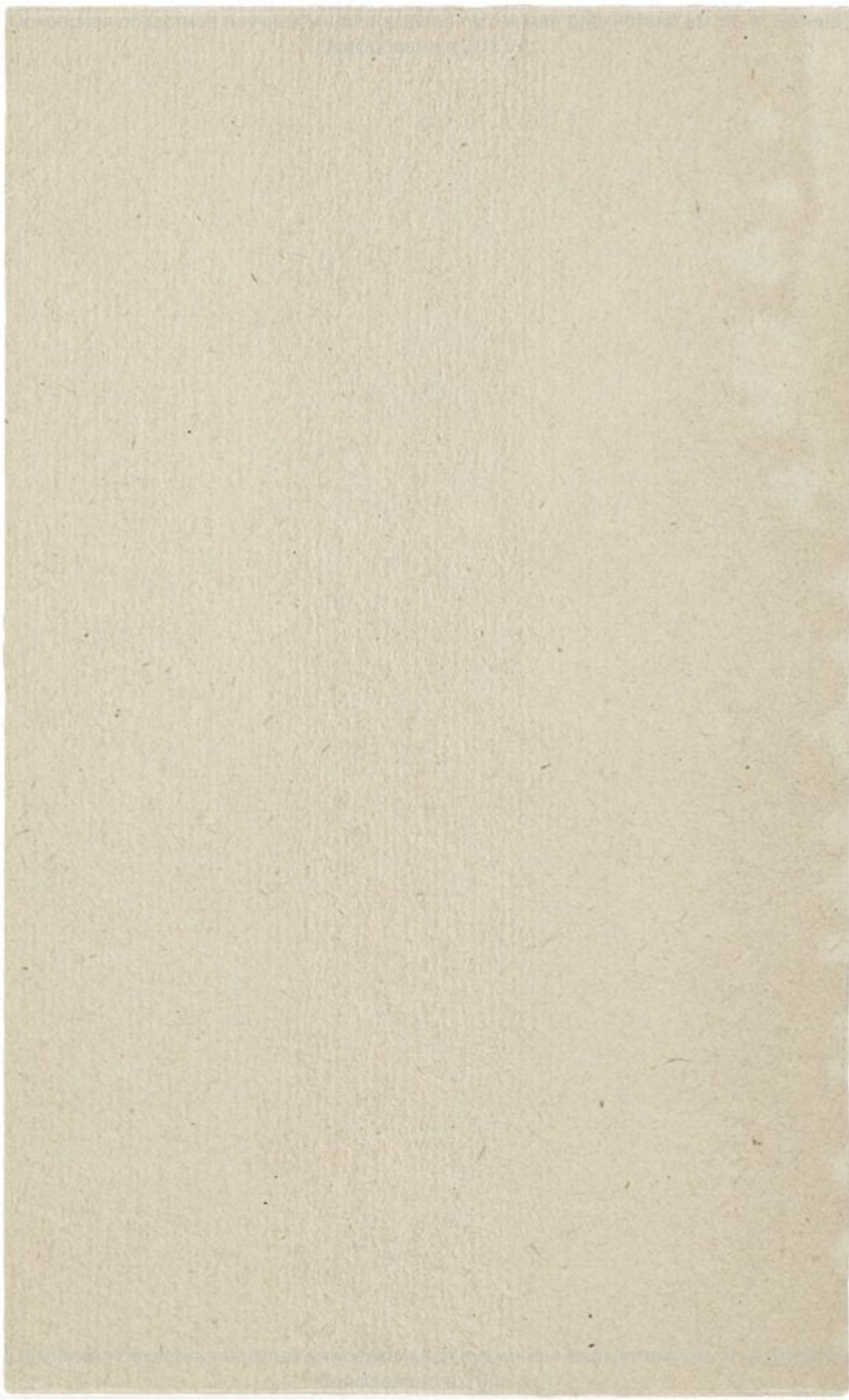
Кудеяра и плачущую въ «Гремучемъ ключѣ» страшный шумъ, поднимающійся каждую полночь запоютъ пѣтухи, въ «Бѣжиномъ лугу» и т. п. чещину уже поколеблена, все это постепенно переходитъ въ область сказокъ, но въ деревняхъ, въ глушихъ еще поръ много людей, живущихъ почти чпервобытномъ невѣжествѣ, и до сихъ еще поръ ховскіе жители, а въ особенности крестьяне села нева, дер. Сурьянино, Морозово, Китаево, Будол, Шемякино, Завѣрское, Селеменьево-Юрасово и друіе помнятъ рассказы стариковъ объ учителѣ. Люди продолжаютъ боготворить природу, завиваютъ въяко опахиваютъ при повальныхъ болѣзняхъ села и думаютъ, что если учитель и не можетъ уже болѣе ходить по дорогамъ и деревнямъ, такъ какъ его проткнули осиновымъ коломъ, но несмотря на это онъ все таки не потерялъ возможности стонать, почему и до сихъ еще поръ среди мѣстныхъ жителей ходитъ молва, что въ Сурьянинскомъ оврагѣ, на большой Болхонской дорогѣ у села Руднева бываетъ временами слышенъ стонъ учителя.

Е. Нугардъ.

С-до Сурьянино.
7 октября 1900 г.

А. К. Юрасовскаго . . . . .

Материалы для истории крепостных помещичьих театровъ въ Орловской губерніи. Кн. А. Л. Голицына . . . . . ц. 50

Бырдинское наследство. Мишковца . . . . . ц. 3 руб

Архивъ с-ца „Сурьянино“. Кн. А. Л. Голицына ц. 25 руб

Былые разбои въ Орловской губерніи. Секретаря Орловской ученой архивной коммисіи А. К. Юрасовскаго (печатается).

Быль изъ временъ крепостничества въ Орловской губерніи. Е. С. Нугардъ . . . . . ц. 60 коп